

очередь (во всяком случае, в рассматриваемый период) неким культурным артефактом, обладающим культурным престижем, но при этом фактически не применяется, служа источником аргументов в религиозной полемике¹, достаточно точно описывает ситуацию с рецепцией византийского канонического (и уж тем более светского) права. Однако мы согласны и с тем, что, как указывал С. Франклин, такая ситуация вовсе не означала некое противопоставление двух правовых традиций, и что «между одним и другим находилась целая серия более или менее жестко связанных друг с другом «текстовых обществ», для которых заимствованные списки правил служили принятой точкой отсчета»². Одним словом, проблема рецепции византийского права, светского ли, церковного ли, или обоих вместе, в комплексе, на начальных этапах христианизации Руси, представляется весьма интересной и много обещающей в научно-исследовательском плане проблемой.

Литература

1. Рогов А.И., Флоря Б.Н. Образование государства и формирование общественно-политической идеологии в славянских странах // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991.
2. Литаврин Г.Г. Идея верховной государственной власти в Византии и Древней Руси домонгольского периода // Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999.
3. Лебедев А.П. Очерки внутренней истории византийско-восточной церкви в IX, X и XI веках. СПб., 2003.
4. Курганов Ф.А. Византийский идеал царя и царства и вытекающие отсюда, по сравнению с идеалом церкви, отношения между церковной и гражданской властью. Казань, 1881.
5. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X – XVII веков. СПб., 1999.
6. Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси. СПб., 2010.
7. Мусин А.Е. О распространении христианства в Древней Руси IX-XIV вв. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/Article/Mus_RaspHr.php (дата последнего обращения 25.04.2016 г.)
8. Поучение преподобного Серапиона. 4 [Электронный ресурс] // Режим доступа : <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4963> (дата последнего обращения 25 апреля 2016 г.)
9. Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. – СПб., 2007.
10. Живов В.М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002.

ЗАМЕТКИ К БИОГРАФИИ МИТРОПОЛИТА ДАНИИЛА РЯЗАНЦА

Пенской Виталий Викторович,
доктор исторических наук,
профессор кафедры философии и теологии
ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»,
г. Белгород (Россия)

В истории русской Церкви и истории Русского государства фигура митрополита Даниила (иногда именуемого еще Рязанцем – по месту его предположительного рождения), пожалуй, одна из тех, которые могут быть

¹ Живов В.М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 278.

² Франклин С. Указ. соч. С. 250-251.

названы если не недооцененными, то, всяком случае, полузабытыми и уж, во всяком случае, сопровождаемыми шлейфом негативных ассоциаций и коннотаций. Собственно говоря, этому не приходится удивляться – ведь его фигура оказалась заслонена более значимыми и яркими (на первый взгляд) персонами, до сих пор нет его полноценной научной биографии, нет и серьезных работ, в которых был бы подвергнут анализу весь корпус текстов, вышедших из-под пера митрополита. Единственная крупная работа, в которой была предпринята попытка восстановить в общих чертах биографию митрополита и дать анализ (вместе с публикацией) его литературного творчества, исследование В.М. Жмакина, увидела свет еще в 1881 г.¹, и с тех пор, если не считать нескольких статей²,

Не в последнюю очередь это связано с тем, что в записках имперского дипломата и мемуариста барона С. Герберштейна, вот уже на протяжении без малого двух столетий считающихся одним из важнейших источников по русской истории 1-й четверти XVI в., митрополит Даниил охарактеризован достаточно нелицеприятно. Приведем характеристику личности митрополита, приведенную бароном в его записках: «Даниил, около тридцати лет от роду, человек крепкого и тучного сложения, с красным лицом. Не желая казаться преданным более чреву, нежели постам, бдениям и молитвам, он перед отправлением торжественных богослужений всякий раз окуривал себе лицо серным дымом (серный дым – очень любопытная ассоциация могла возникнуть у верующего, ибо сера есть неременный атрибут дьявола – **В.П.**) чтобы придать ему бледности, [и с такой поддельной бледностью он обычно и являлся народу]...»³. Из некоторых русских источниках той же эпохи о митрополите отзываются не лучшим образом. Так, например, опальный сын боярский Берсень Беклемишев в разговоре с опальным же старцем Максимом Греком на вопрос о том, был ли он у митрополита с просьбой о печаловании за свою судьбу, ответил, что де «яз того не ведаю, есть ли митрополит на Москве». Почему же, спросил Грек, а Даниил? На что Берсень ему отвечивал: «Не ведаю деи митрополит, не ведаю простой чернец: учителна от него нет никоторого, а не печалуется ни о ком; а прежние святители сидели на своих местех в манатях и печяловалися государю о всех людех...»⁴. Да и князь Андрей Курбский в своей истории отметил в деле обвинения митрополита во всяких грехах, называя Даниила «прегордым», «лютым» и «проклятым»⁵.

Из этих настроенных явно недоброжелательно к Даниилу источников перед нами предстает личность весьма несимпатичная, и черный цвет доминирует в этом словесном портрете, написанном явно не чернилами, но черной же желчью. И вполне естественно, что такие негативные отзывы не могли не сказаться на репутации Даниила в глазах его потомков и исследователей. Так, автор многотомной истории Русской церкви

¹ Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881

² См., например: Буланин Д.М. Даниил // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV – XVI в. Вып. 2 (часть 1. А-К). Л., 1988. С. 182-185.

³ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 149, 151.

⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. I. 1294-1598. СПб., 1836. С. 141.

⁵ Курбский А.М. История о великом князе московском. СПб., 1913. Стб. 47, 51.

Е.Е. Голубинский вслед за недоброжелателями Даниила писал, что «по своим общественным нравам он нисколько не был пастырем – учителем, ибо отличался такой угодливостью перед государем, что не только позволял последнему, но и сам ради него вероломным образом нарушал торжественные клятвы (в этом случае историк имел в виду, конечно, случай с удельным князем Василием Шемячичем, который был арестован после того, как явился в Москву, имея на руках охранную грамоту, заверенную митрополитом Даниилом – **В.П.**), и такую беспощадной и непримиримой ненавистью к своим врагам, какую только можно себе представить (и снова историк имел в виду, прежде всего, дело Максима Грека, находившегося с митрополитом в напряженных отношениях – **В.П.**)»¹.

Однако тот же Е.Е. Голубинский вынужден был признать, что, вопреки нелицеприятным характеристикам личности митрополита, «для исполнения пастырской обязанности учить словом он сделал столько, сколько никто из митрополитов, так что в сем ... отношении он решительно выдается из ряда прочих митрополитов (и это при том, что ранее историк отмечал негодность Даниила именно как пастыря-учителя – **В.П.**)...»². Любопытно, что предшественник Е.Е. Голубинского, автор первой фундаментальной истории Русской церкви митрополит Макарий (Булгаков) в своем очерке о Данииле отмечал, что негатив в оценках личности и деятельности митрополита связан в первую очередь с мнением людей, враждебно настроенных и потому пристрастных по отношению к митрополиту. «Правда, – писал Макарий после того, как дал довольно высокую оценку деятельности Даниила на кафедре, – сохранились о Данииле и свидетельства, для него невыгодные. Но чьи это свидетельства? Во-первых, людей недовольных, находившихся в опале, за которых он не хотел ходатайствовать (здесь митрополит Макарий имел в виду, конечно, Берсеня Беклемишева – **В.П.**) и которые, естественно, могли всячески порицать его в своих домашних беседах ... Во-вторых, свидетельства людей, враждебных Даниилу, людей партии князя-инока Вассиана и Максима Грека, или враждебных и великому князю, каков был впоследствии князь Андрей Курский». Последний, по словам Макария, «свою родовую и личную ненависть к царю Иоанну IV перенес и на отца его Василия и в своей известной «Истории князя великого московского» старался изобразить Василия Иоанновича как величайшего злодея и тирана. А вслед за тем до крайности восхваляя всех, кто имел несчастье подвергнуться его гневу (а, значит, заранее выдавая им своего рода индульгенцию – **В.П.**)...»³.

Так кто же прав в этом заочном споре – Макарий или Голубинский? Можно ли сказать, что перед нами типичный случай (как это неоднократно бывает в истории), когда то, что представляется на первый взгляд вполне однозначным, при пристальном и непредвзятом рассмотрении всего комплекса документов и источников, таковым вовсе не является? И относится случай с митрополитом Даниилом и к такого рода примерам?

¹ Голубинский Е.Е. История Русской церкви. Т. 2. Вторая половина. М., 1900. С. 156.

² Там же. С. 156.

³ Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской церкви. Кн. IV. Часть 1. М., 1996. С. 95-96.

Пожалуй, мы дадим на эти вопросы утвердительный ответ и поддержим позицию митрополита Макария. Увы, к сожалению, слова, сказанные отечественным историком Е.С. Корчминой по другому случаю, подходят и к этому: Е.С. Корчминой: «Обобщения в данном случае предшествовали накоплению эмпирического материала. Между тем **сформулированные тогда концепции порой продолжают восприниматься не как первое приближение к истине, а как нечто доказанное** (это место выделено нами не случайно – **В.П.** Именно так – не первое приближение к истине, а как нечто доказанное!). В результате изучение этой темы в последние десятилетия фактически остановилось, хотя в существующих работах по сути лишь поставлен круг тех вопросов, на которые ученым ещё предстоит дать ответ...»¹. И внимательный, непредвзятый анализ других источников, не нарративных, а документальных, вкупе с изучением текстов, вышедших из-под пера митрополита, действительно не дают оснований для столь однозначно негативной оценки его личности и его деятельности.

При чтении актовых материалов, текстов, написанных самим митрополитом или людьми и его окружения (причем далеко не всегда настроенных к нему комплиментарно) перед нами предстает другой Даниил – один из начитаннейших, «книжных» людей своего времени (кстати, при нем, в бытность его игуменом Иосифо-Волоцкого монастыря в обители формируется серьезное книжное собрание), автор множества различных нравоучительных произведений (в которых он нещадно бичует пороки современного ему общества – и это разве не показатель, характеризующий лучше всего его серьезное отношение к пастырским обязанностям?), знаток канонического права, умелый хозяйственник (о чем свидетельствует целый ряд хозяйственных актов монастыря, относящихся ко времени игуменства Даниила) и преемник знаменитого Иосифа Волоцкого на игуменстве (характеристика Даниила из жития Иосифа – «старец, любяй нищету, и пребываа в трудех, и в посте, и в молитвах, и не любя празнословия»², чем и вызвал серьезное неудовольствие впоследствии братии).

Кстати, если вести речь о преемстве Даниила на игуменстве, то здесь можно привести контрдовод, ибо сам Иосиф как будто не назначал Даниила своим преемником – ни в завещании, ни в последнем послании преподобного Василию III нет никаких указаний на то, что именно Даниил должен стать новым игуменом. Более того, называя достойных занять его место, Иосиф называет 10 иноков, и среди них нет Даниила³. Но на это можно возразить, что Савва Крутицкий составлял Житие тогда, когда Даниил был уже в опале, и что и кто мог помешать Савве воспроизвести реальную ситуацию с выборами нового игумена? И об избрании Даниила игуменом говорится и в другой редакции жития, составленной неизвестным книжником⁴.

¹ Корчмина Е.С. «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х годах // Российская история. 2013. № 5. С. 78.

² Житие преподобного Иосифа Волоцкого, составленное Саввою, епископом Крутицким. М., 1864. С. 63.

³ См.: Послания Иосифа Волоцкого. М.-Л., 1959. С. 239-240.

⁴ Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное «неизвестным» // ЧОИДР. 1903. № 3. II. Материалы историко-литературные. С. 43.

Касаясь избрания Даниила игуменом монастыря, В.И. Жмакин указывал, что сам факт согласия Иосифа Волоцкого свидетельствовал как нельзя лучше в пользу того что Даниил был личностью яркой и неординарной, выделявшейся на фоне остальной братии своими достоинствами. «Самым заветным желанием Иосифа, – отмечал историк, – как известно, было сохранить дух и направление своего монастыря по возможности на долгое время. Поэтому, коль скоро он согласился с избранием братии и благословил на игуменство Даниила (тут уместна будет цитата из жития преподобного – **В.П.**: Иосиф «братиам игумена себе избирати повел. Тии же таковое самому паче възлагают, яко коегождо их всех известно знающу, и, егоже наречет, о сем вси извещение имуть. Великий же отец предаст им Данила игумена...»¹). Итак, согласно этому списку Жития Иосифа Волоцкого, братия сама отдала право выбрать преемника Иосифу, и он самолично назначил на это место Даниила), в руки которого переходила теперь вся дальнейшая судьба созданного им монастыря, то это само собою говорит в пользу того, что Иосиф хорошо знал характер Даниила, вполне уверен был солидарности его взглядов со своими, и видел в нем не только преемника себе по должности, но и надежного и способного борца за свои идеи»². Одним словом, под началом преп. Иосифа Волоцкого Даниил неизбежно должен был пройти хорошую школу, и если бы негативные стороны личности будущего митрополита всплыли бы в эти годы, вряд ли бы он сумел подняться столь высоко. Требовательный, жесткий, порой даже жестокий (на что указывал, к примеру, С.С. Аверинцев³), Иосиф не позволил бы Даниилу выдвинуться на первые роли в руководимом им монастыре. А так мы видим, что после смерти Иосифа именно Даниил возглавил обитель и, значит, все не так однозначно в сложившемся трудами Герберштейна и его информаторов облике Даниила.

Сюжет с избранием Даниила игуменом знаменитого монастыря является не единственным примером, который позволяет усомниться в негативной оценке митрополита. Так, митрополит Макарий, характеризуя его деятельность на митрополичей кафедре, отмечал, что на этом посту «Даниил явился таким архипастырем, каких у нас бывало немного. Он был по своему времени человек очень образованный и весьма начитанный, как свидетельствуют его сочинения и другие памятники. Он с ревностию проповедовал истины святой веры как в храмах, что составляло тогда у нас редкость, так и через послания разным лицам, смело обличал современные пороки в обществе, в духовенстве, в самых вельможах...»⁴. И даже знаменитые случаи с разрешением митрополита Василию III развестись и жениться вторично, а также с отказом печаловаться за Шемячича и обвинить великого князя в нарушении крестного целования могут быть объяснены не покорностью Даниила воле великого князя, а его осознанной позицией – если искать аналогии в византийской истории, то Даниила можно назвать представителем «партии» «икономов»-«политиков», считавших, что в отношениях Церкви и государства можно и должно идти на компромиссы, если спорная проблема имеет жизненно важное значение для

¹ Там же. С. 43.

² Жмакин В.И. Указ. соч. С. 122.

³ Аверинцев С.С. Другой Рим. СПб., 2005. С. 351-352.

⁴ Макарий (Булгаков), митрополит. Указ. соч. С. 95.

судьбы государства, а, значит, и церкви. А в том, что второй брак Василия III относился именно к такого рода вопросам, нет никакого сомнения – слишком много было поставлено на карту и слишком многое зависело в судьбе государства, самой Церкви, не говоря уже о жизнях сотен тысяч рядовых прихожан, чтобы глава церкви, самим Богом назначенный сотрудничать с верховным правителем (а именно в этом и есть истинное назначение симфонии) в деле спасения православного государства. Точно также и в деле несчастного удельного князя митрополит вынужден был взять на себя грех преступления клятвы, ибо, в противном случае, последствия неразрешенной столь радикальным образом проблемы могли быть намного печальнее.

При этом Даниила вовсе нельзя назвать человеком, который имел гибкую спину. Так, он прямо и открыто осудил Василия III за его решение сбрить бороду (правда, будучи царедворцем, все же не назвал великого князя прямо в своих обличительных словах, но всякий, кому попадали в руки слова Даниила, понимал, о ком и о чем идет речь¹). В самом деле, казус с бородой, как это ни странно, имел не меньшую значимость, как и казус со вторым браком. Ведь бездетность государя неизбежно влекла после его смерти радикальные перестановки при дворе и смену политических ориентиров, и эти перемены неизбежно влекли за собой опалы и даже казни проигравших и тех, кто был связан с ними родственными и патрон-клиентскими связями. И, выступая против развода государя, защитники канона тем самым ставили под сомнение свою лояльность верховной власти. Бритье же бороды и связанная с ним смена облика великого князя, перестававшего в результате такого шага соответствовать каноническому облику православного государя ставило, в перспективе, вопрос о том, а является ли Василий III настоящим, «прямым» православным государем? Неудивительно, что в итоге дискуссия вокруг допустимости второго брака государя и бритья бород приобрела столь живой и острый характер с ярко выраженным политическим оттенком. И это немудрено, ибо, как подметил Я.С. Лурье, проблема второго брака Василия II (и бладобрития) подняла «множество острых **политических и нравственных** (выделено нами – **В.П.**) вопросов. Прежде всего поступок Василия III был вызовом традициям и церковным установлениям (с браком – да, но вот с бладобритием, как будет показано ниже, не совсем – **В.П.**). Вставал, следовательно, вопрос о пределах власти «государя всея Руси», о том, **что сильнее: эта власть или вековой обычай, утвержденный церковью** (выделено нами – **В.П.**)...»².

Другим примером, который показывает непримиримое отношение Даниила к попыткам нарушить негласное разделение властей, может служить казус с пострижением в монахи умирающего Василия III. Брат великого князя, удельный князь Андрей Старицкий, поддержанный некоторыми приближенными Василия III, попытался воспрепятствовать обряду, который собрался было совершить митрополит. Однако, по словам летописца, «глагола Данил митрополит князю Андрею: “Аз тебя не благословляю ни в сей век, ни в

¹ См.: Пенской В.В. «Яко блудницам обычай есть...»: казус с бородой Василия III // В печати.

² Очерки истории СССР. Т. V. М., 1955. С.110-111.

будущии, а того тебе у мене не отняти, занеже сосуд сребрян добро, а позлащен того лутчи"...»¹. Вряд ли можно истолковать слова митрополита как недвусмысленный отказ удельному князю в праве препятствовать отправлению митрополитом своих обязанностей. И это при том, что князь Андрей был достаточно могущественным и влиятельным, и к тому же в условиях междуцарствия ситуация могла повернуться так, что Даниил мог оказаться в опале проiscaми Старицкого князя.

Одним словом, у нас есть достаточно оснований, чтобы отказаться от черно-белой трактовки образа митрополита Даниила и попытаться реконструировать его биографию, подойдя к ее написанию непредвзято и более объективно, чем это было принято ранее.

Литература

1. Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.
2. Буланин Д.М. Даниил // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV – XVI в. Вып. 2 (часть 1. А-К). Л., 1988. С. 182-185.
3. Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008.
4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. I. 1294-1598. СПб., 1836.
5. Курбский А.М. История о великом князе московском. СПб., 1913.
6. Голубинский Е.Е. История Русской церкви. Т. 2. Вторая половина. М., 1900.
7. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской церкви. Кн. IV. Часть 1. М., 1996.
8. Корчмина Е.С. «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х годах // Российская история. 2013. № 5.
9. Житие преподобного Иосифа Волоцкого, составленное Саввою, епископом Крутицким. М., 1864.
10. Послания Иосифа Волоцкого. М.-Л., 1959.
11. Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное «неизвестным» // ЧОИДР. 1903. № 3. II. Материалы историко-литературные. С. 1-43.
12. Аверинцев С.С. Другой Рим. СПб., 2005.
13. Пенской В.В. «Яко блудницам обычай есть...»: казус с бородой Василия III // В печати.
14. Очерки истории СССР. Т. V. М., 1955.
15. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // ПСРЛ. Т. XLIII. М., 2004.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ (БУЛГАКОВА)

Прудников Александр Сергеевич,
магистрант СТФ ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»,
г. Белгород (Россия)

В хронологическом порядке труды митрополита Макария можно представить следующим списком: «История Киевской духовной Академии», «История русского раскола, известного под именем старообрядчества», «История русской церкви», «История христианства в России до равноапостольного князя Владимира», «История Русской церкви 12 томов», «Православно-догматическое богословие» (в 2-х томах), «Руководство к изучению христианского православно-догматического богословия», «Введение в православное богословие», «Очерк истории русской церкви в период до-

¹ Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // ПСРЛ. Т. XLIII. М., 2004. С. 231.